

конструирующих текст элементов. Та текстовая реальность, которая реализуется в подобной стратегии, организует романы серии в единый смысловой блок, что и является одним из самых значимых эффектов воздействия автора на читателя и залогом коммерческого успеха проекта.

С. ХАГИ

(Энн Арбор, США)

ПЕТРОПОЭТИКА ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Нефтяной мотив – одна из наиболее заметных тем современной русской литературы, разрабатываемая как в коммерческих работах (пример – “Нефть” (2008) Марины Юденич), так и в более серьезных произведениях (“Перс” (2010) Александра Иличевского).

В данной статье мне хотелось бы рассмотреть некоторые аспекты нефтяной тематики у Виктора Пелевина, а также показать, каким образом нефтяная тематика вписывается в центральную проблематику пелевинских произведений – феномен обезчеловечивания в обществе потребления. Дабы подчеркнуть деградацию человеческого сообщества в биомассу, автор представляет потребительскую парадигму как в ее цивилизованном варианте благ и услуг, так и в буквальном, зоологическом значении потребления организмами других организмов. Феномен обезчеловечивания выражается Пелевиным через следующий образный ряд: люди-животные-источник энергии-деньги.

Если использовать известную дихотомию Исайи Берлина (“Ёж и лиса” (1953)), Пелевина можно назвать одним из самых однозначно вписывающихся в “ежовый ряд” (наряду с Достоевским и Ницше) современных авторов. С 1990-х годов и по сей день феномен консьюмеризма остается одной из центральных тем его творчества. Согласно Борису Ноордебосу, “по контрасту с невежеством массовой советской ментальности, растущее понимание рекламных и рыночных стратегий Татарским (героем “Generation ‘П’”) представлено как просвещение и религиозное обращение”¹. На мой взгляд, данная характеристика правомерна только при условии добавления эпитета “пародийный” к “просвещению и религиозному обращению”. И “Generation ‘П’” (1999), и “ДПП(НН). Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда” (2003), и “Священная книга оборотня” (2003), и “Empire V/

---

¹ Noordebos, B. Breaking into a New Era? A Cultural-Semiotic Reading of Victor Pelevin. // Russian Literature, LXIV. 2008. – С. 91.

Ампир 'В'. Повесть о настоящем сверхчеловеке" (2006), и "П5. Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана" (2008), и последний вышедший на данный момент пелевинский роман "t" (2009) в значительной степени посвящены проблемам общества потребления. Пелевин едко высмеивает оголтелый инфантильный консьюмеризм и культурную деградацию, характеризующие современные российские реалии, но главным образом его критика направлена на общество потребления как таковое.

Начиная с программной дистопии кануна миллениума "Generation 'П'", каждое последующее пелевинское повествование конструирует, казалось бы, совершенно новую социально-метафизическую модель, но, на самом деле, любая из взятых моделей органически вырастает из предыдущей схемы бытия. Романы пронизаны автоцитатами, постоянно "кивая" друг на друга: Урган Джамбон Тулку Седьмой, "автор" предисловия к "Чапаеву и Пустоте" (1996), вновь появляется в "Generation 'П'", Татарский возникает в "ДПП(НН)", богиня Иштар из "Generation 'П'" играет одну из главных ролей в "Empire V/ Ампире 'В'" и т.д. Каждая очередная выстроенная автором парадигма бытия словно бы приподнимает новую Вуаль Майи перед взглядом читателя, обнажает более секретную "конспираторную структуру", скрытую за моделью заговора, обрисованной в предыдущей книге. Так, к примеру, из "Empire V/Ампире 'В'" мы узнаем, что халдеи (правители мира в "Generation 'П'") лишь прислуживают вампирам и пр. Таким образом, цикл пелевинских романов первой декады века представляет собой своего рода матрешку, либо, в подходящих рассматриваемой поэтике терминах, переход на более высокий уровень компьютерной игры.

Одна и та же универсальная закономерность характеризует множественные пелевинские социально-метафизические схемы: отождествление феномена и ноумена, причем высшая сфера "коррупцирована", становясь зеркальным отображением деградированного земного бытия. Рассматривая вступление России в "дивный новый мир" глобального общества потребления, Пелевин разрабатывает собственную монетарную метафизику, координируя мифологический уровень текста с его социальным уровнем, превращая коммерческую модель в модель онтологическую². На уровне лексики данный прием отражен путем артикуляции метафизических концепций в экономических (рыночных,

---

² См. *Khagi S.* From Homo Sovieticus to Homo Zapiens: Viktor Pelevin's Consumer Dystopia // *The Russian Review* 67 (2008). P. 559-579, и *Хагу С.* Виктор Пелевин между Господом нашим Фордом и парадоксом Эпименида // *Русская литература. Направления и течения. XX-XXI век. 11*, – Екатеринбург: ГОУ ВПО "Уральский государственный педагогический университет". 2009. – С. 122-139.

потребительских, финансовых) терминах (напр., “Время сдается, пространство сдается” в “Generation ‘П’”).

Представление о социуме как о биомассе формирует пелевинскую онтологию уже в ранней повести “Затворник и шестипалый” (1990), живописующей сообщество цыплят, выращиваемых на убой на птицефабрике. Вселенная в этом произведении предстает “комбинатом имени Луначарского”, а в коллективе цыплят-бройлеров, борющихся за близость к кормушке и не подозревающих о близящемся конце, прослеживается явная сатира на человеческое общество. В финале повести два необычных цыпленка, чьи имена вынесены в заглавие, умудряются нарушить незыблемые законы вселенной-птицефабрики, научившись летать и вырвавшись на свободу.

Образ мира как биокомбината или бойни становится определяющим в пелевинских произведениях последнего десятилетия, с той только разницей, что герои его последующих книг не способны вырваться из границ этого мира на свободу. Биоценоз лежит в основе социальной модели “Generation ‘П’”. В описываемом в романе сообществе каждое человеческое существо является клеткой простейшего организма Орануса-ротожопы-Мамоны. Цель деятельности клетки – позволить потоку денег проникнуть в глубину и выйти наружу. В процессе эволюции Оранус обзаводится примитивной нервной системой – масс-медиа. Эта нервная система передает “вау”-импульсы, контролирующую жизнедеятельность простейших клеток: оральный (заставляющий клетку поглощать деньги), анальный (побуждающий ее выделять деньги) и вытесняющий (блокирующий все психологические процессы, которые могут помешать идентификации индивидуума с клеткой Орануса).

Уничтоженные как личности, люди в “Generation ‘П’” превращаются в биомассу, раз и навсегда пойманную в процессе потребления-выделения, в композит некой “жирной надмирной тушки”, примитивного паразитического организма, неспособного к познанию или самознанию:

Но какая же гадина написала этот сценарий? И кто тот зритель, который жрет свою пищу, глядя на этот экран? И самое главное, неужели все это происходит только для того, чтобы какая-то жирная надмирная тушка наварила себе что-то вроде денег на чем-то вроде рекламы? (223).

Пелевинская модель переворачивает известную схему экономической теории Адама Смита, согласно которой поведение человека основывается на корыстных интересах, суммарно продвигающих интересы общества. Функционируя в условиях рыночной экономики, пелевин-

ские герои не обеспечивают ни собственное благополучие, ни благополучие социума в целом. Напротив, обрисованная Смитом “система естественной свободы” (“Исследование о природе и причинах богатства народов” (1776)) противопоставлена Пелевиным картине социума как биоагрегата, бессмысленно служащего простейшему паразитическому существу, в вавилонской мифологии – древнему божеству Энкиду, держащему в руках золотые нити с нанизанными на них людскими телами. Когда все люди попадут в сеть Энкиду, жизнь на земле прекратится. Это же самое божество в виде Ваала осуществляет контроль над Тофетом или адом, в котором сжигают людей.

В следующем сборнике, “ДПП(НН)”, пелевинская поэтика деградированного социума дополнена компонентом, а именно, мотивом нефти как биоресурса. Одна из новелл сборника, “Македонская критика французской мысли”, использует в качестве эпиграфа высказывание Вильяма Джеймса: “Во всей вселенной пахнет нефтью”³. В повести излагается неординарная теория Кики Нафикова, европеизированного, с сорбонским образованием, сына советского нефтяного магната. Еще ребенком Кика изображает на рисунке существо зловещего вида, держащее над запрокинутым лицом сосуд с контурами материков, из которого в рот ему льется черная струйка, и делает надпись “Папа пьет кровь земли”⁴. Став постарше, Кика потрясен, выяснив, что нефть – не “кровь земли”, а подобие горючего перегноя, образовавшегося из древних живых организмов. Узнав у отца, что, по советской аксиоме, после смерти люди живут в плодах своих дел, Кика вдохновляется на новые рисунки – машин, самолетов, поездов с подрисованными ртами, “в которых маршируют шеренги крошечных динозавров, похожих на черных ошипанных кур”⁵.

В дальнейшем, под впечатлением “Символического обмена и смерти” Жана Бодриера (1976), Кика приходит к выводу, что нефть состоит не из динозавров, а из мертвых людей, и что в дальнейшем “человеконепфть” переходит в деньги. Деньги есть остающаяся от людей “нефть”, форма, в которой вложенная в труд жизненная сила советских граждан, включая жертвы сталинских репрессий, существует после их смерти. С распадом Советского Союза коммунистическая человеконепфть попадает в кровеносную систему глобальной экономики. Результаты устрасшающи. Поскольку количество человеческого страдания, сконцентрированного в советской человеконепфти (ее “сер-

³ У Бертрана Рассела также есть известное высказывание: “Всюду пахнет нефтью” / “The Smell of petroleum pervades throughout”.

⁴ Пелевин В. ДПП(НН). Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда. – М.: Эксмо, 2003. С. 273-274.

⁵ Там же. С. 275.

ный фактор”, “поэтически точно отражающий специфику ее добычи и многие аспекты связанной с ней деятельности”, много выше западного “серного фактора”), коммунистическая человеконефть смертельно опасна для Запада⁶. Чтобы спасти мирный Запад от полной страдания советской человеконефти – жизненной силы мертвых, воплотившейся в деньгах – Кика начинает откачивать русскую нефть из Европы обратно в Россию. Делается это весьма неординарным способом. Группа еврограждан, заключенная в секретном цехе во Франции, подвергается нижеследующей экзекуции:

В помещении цеха было смонтировано тридцать семь одинаковых ячеек, напоминающих индивидуальное рабочее место в офисе, так называемый cubicle. Но на этом рабочем месте не было ни стола, ни даже стула. Находившиеся в ячейках люди были подвешены на специальных ремнях в позе, напоминающей положение животного в стойле. Их руки и ноги были пристегнуты кожаными лямками ко вбитым в бетонный пол костылям, так что побег был невозможен. Перед лицом каждого из них помещался жидкокристаллический экран, на котором в сложной последовательности высвечивались отрывки из текстов Лакана, Фуко, Бодриера, Дерриды и других титанов мысли – не забыт был даже Мишель Уэльбек. [...] В тот момент, когда перед кем-нибудь из несчастных страдальцев появлялся отрывок из книги Мишеля Фуко “Надзирать и наказывать”, робот оказывался точно над ним и наносил хлесткий удар нейлоновыми розгами по его обнаженным ягодицам. Одновременно с этим компьютерная система осуществляла перевод суммы в 368 евро в Россию.⁷

Подчеркнуто гротескная “Македонская критика французской мысли” тем не менее отражает центральные мотивы пелевинской проблематики обесчеловечивания. По кикиной безумной (или, другими словами, авторской, иронически-буквальной) версии марксизма, души советских людей, создавших экономическую базу страны, в прямом смысле слова заключены в денежных потоках, устремившихся на Запад после распада СССР. В свою очередь, бодриеровская теория символического обмена и смерти пародируется пелевинской экономией страдания. По Бодриеру, “символический обмен” противостоит неокантистическим ценностям утилитарности и финансовой прибыли. Архаические механизмы символического обмена (дары, жертвоприношения, ритуалы) предложены критиком как альтернатива утилитарным ценностям. Пелевинская формула настоящих отношений между Россией и Западом – обмен страдания на деньги – буквальная, гротескная версия бодриеровского символического обмена.

---

⁶ Ibid. С. 290.

⁷ Пелевин В. ДПП(НН). С. 296.

Пелевинская пародия на Бодриера переключается с критикой теории символического обмена, согласно которой представление о жертвоприношении и смерти, как способах противостояния буржуазной этике самосохранения и благополучия, несет в себе опасные деструктивные тенденции⁸. Более того, данная пародия заставляет предположить, что символический обмен не только не является культурной альтернативой экономическому обмену, но, напротив, сам легко превращается в него. Страдание – главный “энергоресурс” бывшего Советского Союза, и, как и любой другой ресурс, оно конвертируется в деньги в постсоветском обществе потребления. Прошлое в прямом смысле слова превращается в черную кровь (нефть), люди и история страны в равной степени становятся нефтелларами.

“Македонская критика французской мысли” оперирует устойчивыми пелевинскими образами деградировавшего социума, напоминая о более ранних произведениях и предвосхищая последующие романы. Шеренги крошечных динозавров, похожих на ощипанных кур, исчезающие в жерлах машин – это автоцитата из “Затворника и шестипалого”, рисующая образ о социума как птицефабрики. Ячейки, напоминающие офисные cubicles, в которых люди подвешены в положении животного в стойле – образ, отражающий центральную пелевинскую идею людей – скотов, разводимых для “жирной надмирной тушки” (“Generation ‘П’”). Высокий “серный фактор” “советской человеконефти” как коэффициент страдания, заключенного в черном золоте, заставляет вспомнить демонические мотивы “Generation ‘П’”: злого демиурга Энкиду, осуществляющего контроль над Гееной Огненной; знакомство Татарского с миром рекламы, начинающееся с фразы Морковина: “А ну-ка пойдем отсюда к черту”; послание, поступающее на его пейджер во время первого рекламного задания, “Welcome to the route 666”; имя предшественника Татарского Легион Азадовский и т.д.⁹

Тема “человеконефти” из “Македонской критики французской мысли” будет в дальнейшем разработана в “Священной книге оборотня.” Повествование “Священной книги” ведется от лица древней лисы-оборотня А Хули. А Хули влюбляется в волка-оборотня Сашу Серого, генерала ФСБ (в прямом смысле “оборотня в погонах”). В ключевом эпизоде романа Саша со своей подругой летят “на охоту” на крайний Север. А Хули наблюдает, как Саша воеет над древним, потрескавшимся коровьим черепом в попытке извлечь нефть из выработанных месторождений:

⁸ См., напр., *Cupitt D. The Time Being*. – London: CSM Press, 1992; *Noble T. Social theory and Social Change*. – London: Macmillan, 2000.

⁹ *Пелевин В. “Generation ‘П’”*. – М: Вагриус, 1999. – С. 239, 20, 25, 26.

Пестрая корова! Слышишь, пестрая корова? Я знаю, надо совсем потерять стыд, чтобы снова просить у тебя нефти. Я и не прошу. Мы не заслужили. Я знаю, что ты про нас думаешь. Мол, сколько ни дашь, все равно Хаврошечке не перепадет ни капли, а все сожрут эти кукисы-юкисы, юксы-пуксы и прочая саранча, за которой не видно белого света. Ты права, пестрая корова, так оно и будет. Только знаешь что... Мне ведь известно, кто ты такая. Ты – это все, кто жил здесь до нас. Родители, деды, прадеды, и раньше, раньше... Ты – душа всех тех, кто умер с верой в счастье, которое наступит в будущем. И вот оно пришло. Будущее, в котором люди живут не ради чего-то, а ради самих себя. И знаешь, каково нам глотать пахнущее нефтью сашими и делать вид, что мы не замечаем, как тают под ногами последние льдины? Притворяться, что в этот пункт назначения тысячу лет шел народ, кончающийся нами? Получается, на самом деле жила только ты, пестрая корова. У тебя было ради кого жить, а у нас нет... У тебя были мы, а у нас нет никого, кроме самих себя. Но сейчас тебе так же плохо, как и нам, потому что ты больше не можешь прорасти для своей Хаврошечки яблоней. Ты можешь только дать позорным волкам нефти.¹⁰

Растроганная, А Хули присоединяется к коллективному вою, коровий череп начинает плакать, и вновь идет нефть. “Крошечка-хаврошечка” – похожая на “Золушку” русская сказка, где в роли доброй феи-крестной выступает пестрая корова. Корова помогает Хаврошечке справиться с невыполнимой работой, которую ее заставляют делать злая мачеха и сестры. Когда мачеха приказывает нарезать пеструю корову, она просит Хаврошечку не есть ее мяса и спрятать ее кости в саду. Из этих костей вырастает яблоня с золотыми листьями, а Хаврошечке достается прекрасный жених. Как замечает А Хули, в сказке сконцентрирована извечная русская история – незамысловатые чудеса, безропотная смерть под ножом и возвращение новым волшебным деревом. Вот только куда в настоящее время подевались все яблочки? Кроме того, А Хули занятно, что злая мачеха и сестры не наказаны, про них просто забывают.

Как и “Македонская критика французской мысли”, сцена прошения о нефти представляет жертв сталинского террора, а, в более широком смысле, жертв полной насилия российской истории как “человеконефть”, эксплуатируемую даже после смерти. “Вышки” – семантически насыщенный каламбур (они и лагерные, и нефтяные). Крайний Север, средоточие современного нефтебизнеса, в прошлом – территория ГУЛАГа. По версии Александра Эткинды, «ритуалы русского постапокалиптического сознания рационально необъяснимы и исторически неточны. Массовое насилие сталинской эпохи не осознано критически, а трансформировано. Тотальные репрессии “реинтерпретированы в религиозном свете как жертвоприношения, наказание за грехи,

¹⁰ Пелевин В. Священная книга оборотня. – М: Эксмо, 2008. – С. 252.

либо, в свете политики, как цена, заплаченная за национальное становление, модернизацию и в прочих аналогичных целях”¹¹. Соответственно, пелевинская сцена прощения о нефти – извращенный траурный ритуал, не только не признающий вину перед жертвами прошлого, но продолжающий “утилизировать” их посмертно. В циклической российской истории волны насилия бессмысленно следуют одна за другой. Глобальное общество потребления советскую идеологию вытеснило, но базисный исторический механизм (откровенное насилие власти, привычная жертвенность народа) не изменился. Впрочем, с одним уточнением: если жертвы прошлого питали иллюзии относительно осмысленности их испытаний, постсоветский период демонстрирует тотальное отсутствие смысла в истории. В формулировке Пелевина, “богоискательство – это когда лучшие люди нации ужасаются виду крови на тополе, начинают искать Бога и в результате через сто лет и шестьдесят миллионов трупов получают небольшое повышение кредитного рейтинга”¹². Настоящее, в котором человеческие окаменелости, так сказать, возвращаются в оборот в n-ый и, видимо, последний раз, представляется в еще в более мрачном свете, чем прошлое. Как замечает коллега Саши, “все, выжали. И пласт, и всю Россию”¹³.

Как и в “Generation ‘П’” и “Македонской критике французской мысли”, в “Священной книге оборотня” общество потребления предстает системой организмов, поглощающих друг друга в биологическом смысле этого слова. Люди трансформируются по следующей цепочке: скот-нефть-деньги. Пестрая корова – важный символ, “восходящий к культу предков и культу живородящей земли”¹⁴. Этот же образ соотносится с похожими на животных в стойле “работниками” цеха из “Македонской критики французской мысли” и выращиваемыми на убой цыплятами-бройлерами из “Затворника и шестипалого”. Пищевая цепочка “Затворника и шестипалого” дополнительно напоминает о себе некогда кровавой, а теперь “гуманизированной” охотой за курами лисы А Хули и деталью видов Нефтеперегоньевска, чьи коттеджи похожи на избы на курьих ножках. “Жирной надмирной тушке” из “Generation ‘П’” в “Священной книге оборотня” соответствует пелевинский каламбур “upper rat”-“аппарат”:

Элита здесь [в России] делится на две ветви, которые называют “хуй сосаети” (искаженное “high society”) и “аппарат” (искаженное “upper rat”). [...]

¹¹ Etkind A. “Stories of the Undead in the Land of the Unburied: Magical Historicism in Contemporary Russian Fiction”. *Slavic Review* 3 (2009). – С. 636.

¹² Пелевин В. Священная книга оборотня. – С. 12.

¹³ Ibid. С. 245.

¹⁴ Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 653.

Каждый раз реформы начинаются с заявления, что рыба гниет с головы, затем реформаторы съедают здоровое тело, а гнилая голова плывет дальше. Поэтому все, что было гнилого при Иване Грозном, до сих пор живо, а все, что было здорового пять лет назад, уже сожрано. Здешний “upper rat” мог бы рисовать на своих знаменах не медведя, а эту рыбку голову. (102-103).

“Upper rat”/“аппарат” питается от нефтяной трубы. Денежное дерево (ироническая вариация на темы волшебной яблони из “Крошечки-Хаврошечки” и библейского пылающего куста) изображено нефтяным фонтаном, пробивающимся сквозь вечную мерзлоту. Ассоциативная связь люди-скот-нефть-деньги обыграны в названии северного города Нефтеперегоньевска, куда Саша отправляется “на охоту” – эхо Скотопригоньевска из “Братьев Карамазовых”. К постсоветскому моменту российская земля (люди, история, культура) “выжата вчистую”, по-другому – полностью обескровлена.

“Empire V / Амфир ‘В’” – еще одна пелевинская притча, развертывающая постоянную авторскую тематику гиперконсюмеризма посредством ассоциативной цепочки люди-животные-источник энергии-деньги, и органически вытекающая из предыдущих моделей. На сей раз утилизируемый биоресурс – кровь или, выражаясь политкорректно, “красная жидкость”, аналог “черной жидкости” нефти. Тема вампиризма (нефть как кровь фигурирует в “Македонской критике французской мысли”: “Папа пьет кровь земли”) превращается в сюжетный стержень “Empire V”. Пелевин опять реализует метафору, делая “кровопийц-капиталистов,” знакомых по советской риторике, настоящими вампирами, правящими миром. Золотая богиня Иштар, мужем которой становится Вавилен Татарский к концу “Generation ‘П’”, фигурирует в качестве Великой Мыши, богини вампиров.

Как справедливо указывает Марк Липовецкий, магия А Хули – посмодернистская и либеральная, в то время как магия Саши серого – домодерная и неоконсервативная¹⁵. Добавлю только, что, тем не менее, они оба – оборотни, и оба занимаются энергетическим вампиризмом (охота за людьми и курами А Хули, охота за нефтью Саши). “Empire V” продолжает деконструировать бинарные оппозиции. В глубокой древности вампиры питались кровью динозавров (вновь отсылка к “Македонской критике французской мысли”). Современные вампиры, как и А Хули в “Священной книге оборотня”, чья гуманная форма “охоты за курочками” не всегда исключает убийство, перешли на более либеральную форму вампиризма, “от мясного животноводства к молочному”. Теперь они поглощают жизненную энергию, выделяемую человеком при добывании денег:

---

¹⁵ Липовецкий М. Паралогии. – С. 649.

Не подумайте, что я злорадствую, но современное рабочее место в офисе – cubicle – даже внешне похоже на стойло крупного рогатого скота. Только вместо ленты с кормом перед мордой офисного пролетария стоит монитор, по которому этот корм показывают в дигитальном виде. Что вырабатывается в стойле? Ответ настолько очевиден, что вошел в идиоматику самых разных языков. Человек делает деньги. Не *or she makes money*. [...] Деньги добываются из его времени и сил. В них превращается его жизненная энергия, которую он получает из воздуха, солнечного света, пищи и других впечатлений жизни. [...] Человек думает, что добывает деньги для себя. Но в действительности он добывает их из себя.¹⁶

Новая либеральная версия пищевой цепочки подразумевает доедание людей-коров ради извлечения “баблоса”, концентрата жизненной энергии, производимой людьми в погоне за материальным достатком. Более того, дойное животное человек было выведено вампирами специально с целью продуцирования баблоса, т.к. человек единственный не способен отличить фантазию от реальности, и потому выделяет жизненную энергию в обмен на монетарные фантазмы. С характерной для него любовью к каламбурам, Пелевин замечает устами героя “*Empire V*” Ромы Шторкина, что “петро” происходит не от Петра Великого, а от petrol-a:

Но самое глубокое из моих прозрений было следующим – я истолковал “Петро” не как имя Петра Первого, а как указание на связь с нефтяным бизнесом, от слова petrol. По этой трактовке слово “петродворец” подходило к любому шикарному нефтяному бизнесу, а известная строка времен первой мировой “наш Петербург стал Петроградом в незабываемый тот час” была гениальной догадкой поэта о последствиях питерского саммита G8.¹⁷

Как и в случае большинства пелевинских каламбуров, это не пустая игра слов. Лотмановский принцип “культурного взрыва” (“Культура и взрыв” (1992)) по-прежнему характеризует российскую ситуацию, изменился лишь момент “взрыва”: вместо петровских реформ (разрыв с прошлым и стремление сделать Россию частью Запада) – распад СССР и вступление бывшего Советского Союза в глобальное общество потребления. “Петро” как “petrol,” как в капсуле, заключает в себе лейтмотив книг Пелевина – взрывное вступление России в пространство тотальной коммодификации, где люди становятся биомассой, “человеконефтью”, “нефтедолларами”.

---

¹⁶ Пелевин В. *Empire V* / Амфир ‘В’. Повесть о настоящем сверхчеловеке. – М: Эксмо, 2006. – С. 176-177.

¹⁷ Там же. С. 64.